

Н

а одной из книг писателя — дарственная надпись: «Курскому областному краеведческому музею, куда я бегал еще мальчишкой». И подпись — Евгений Носов. Листаешь страницы, и словно веет ветер с наших курских просторов с их полынно-горькой свежестью и милой неброской красотой.

Детство писателя прошло в довоенном Курске, и во многих своих рассказах он вспоминает о нем, рисует картины тогдашнего города.

«В те времена город еще не знал асфальта, — пишет он в рассказе «Дом за триумфальной аркой». — Даже главная площадь, на которой устраивались парады, была вымощена глыбистым, как голландские сыры, булыжником... Летом город просыпался в тяжелом грохоте ломовиков. По нашей улице, протянувшейся от станции, с утра до вечера топали грузные космогоние лошади. Натужно поднимаясь с фурами в гору, они высекали из булыжников искры. Рядом, волоча кнуты, неторопливо брели в пыльных, растоптанных сапогах багровые возчики».

И дальше: «Тогда еще в силуэт нашего города были вписаны двадцать восемь церковных колоколен и только четыре жестяные заводские трубы. Три трубы варили мыло, квасили дрожжи, дубили кожи, а четвертая труба была лыкинская (по фамилии директора — Лыкин). На нашем заводе не занимались пустяками вроде мыла и дрожжей. Там ремонтировали первые советские тракторы. Они появились в городе в синем керосиновом дыму, пыльные, с застрявшей в зубьях колес черной полевой грязью, перемешанной с измятой соломой. Мы бежали за тракторами, оглохнув от грохота...

Что касается нашего дома, то это был единственный коммунальный дом на всей улице (Красноармейская, 35-а). Он стоял в глубине двора, за большими каменными воротами, всегда распахнутыми настежь, похожими на триумфальную арку. С толстых опор запыленными глазами глядели львиные морды с кольцами в зубах. На арках кучерявились алебастровые финтифлюшки и крылатые амуры... По этим воротам мы догадывались, что раньше за ними жила какая-то важная птица. Дом сгорел еще в революцию. И долгие годы стоял пустой коробок с черными провалами окон. Лыкин присмотрел его для завода и прислал плотников. По выходным мы целыми семьями ходили им помогать... Правда, дом вышел не очень красивый: над окнами так и остались черные закопченные зализы от пожара, но наши матери побелили изнутри стены, подвели синькой кантики под потолком, и в общем получилось здорово...»

Евгений Иванович Носов

В этих строчках не только явственно встают реалии тех лет, но и живет в них цельное и ясное, без претензий на какую-то «сильно хорошую» жизнь мироощущение простых рабочих людей тех лет и их ребятишек.

Родители будущего писателя работали на заводе МРЗ, здание его на улице Литовской сохранилось, но, разумеется, подверглось изменениям.

«Завод длинно и однообразно тянулся вдоль улицы низкой кирпичной стеной, выбеленной известкой, с большими пыльными окнами. В самые крайние окна, всегда багровевшие всполохами кузнечных горнов, можно было высмотреть моего отца... Осыпаясь огненными звездами, он лупил по железу, сдерживая после каждого удара полупудовый молот с наковальни и не дав ему упасть к ногам, широким полукружьем снова заносил его над головой. На его работу хотелось глядеть, и мы подолгу липли к окнам... А по праздникам мы вместе с рабочими ходили на демонстрацию. Наша колонна всегда шла впереди...»

Детство писателя выпало на голодные 30-е годы прошлого века. Мальчик часто болел, ему подолгу приходилось лежать дома. «Меня, закутанного в одеяло, — пишет Е.И. Носов в повести «Греческий хлеб», — подсаживали к окну, и я жадно вбирал в себя забытый уличный мир. Окно мое выходило не на улицу, где туда-сюда проходят разные люди и топают, паря ноздрями, загруженные разной разностью ломовые лошади, а просто во двор, <...> где виделись мне покосившийся забор, крыша сарая...»

Он наблюдал за птицами, собаками, о чем очень интересно написал в этой повести. А также о том, как по курским улицам прогоняли на луг стадо коров, которое собиралось со всех улиц: «Нижнетроицкое, позади нас, за трамваем — михайловское, покровское... Стадо сходилось в рассветном озарении солнца, краем воспрянувшего над стенами Знаменского монастыря... и направлялось в загородные дуга...» А вечером «возвращение стада он видел постоянно, когда солнце катилось на ночлег по дальним крышам строений, воспламеняя светом всякое окно и сами дома, и сараи, и старые тополя...»

Семья писателя жила очень бедно. Когда к ним пришла его учительница, мальчик почувствовал эту бедность особенно остро:

«Музейно озираясь, устремляя свое пенсне на всякую сподручность нашего бытия — капающий над ведром толкач-рукомойник, хроменько тикающие ходики, поленицу дров на истопленной плите, она минула кухню и вошла в горницу, все так же чужестранно озирая мелом беленные стены и нехитрую нашу пожить...»

По ни он, ни его приятели не унывали, они с радостью бегали на любимую Полянку, «заветный лоскут земли, уголок детства...» Описывая ее, автор дает картину города, учрежденную императрицей Екатериной: «Город разбивался на прямоугольники. Каждый квартал застраивался домами и дворами... Середина нашего квартала оказалась свободной... Там протекал живой натуральный ручей, разливавшийся в половодье... По его берегам... росли ивы, незабудки и иванчай...» Там выпасали телят, гусей, там резвилась детвора. Но постепенно это место замусорилось, и по берегам обмелевшего ручья ребятишки устраивали сражения, в шалаше хранили свои деревянные мечи и сабли.

И вот однажды после грозы и сильного ливня они нашли в промыве старинные монеты; там были и петровские, и полушки, и литовские, подтверждающие воспоминания о старине. С ними мальчики решили пойти за хлебом в греческую пекарню, которая находилась на улице Луговой, недалеко от Покровского базара. Они «учуяли ее еще в Георгиевском сквере» — по сильному, особенно для них, очень проголодавшихся, запаху хлеба. На стене лавки висел «раскрашенный и даже посыпанный маком деревянный калач, а над ним — кованые буквы — название лавки — «Такош», так стали звать и ее хозяина-грека. Он пожалел ребятишек, и хотя эти деньги не были действительными, он дал им приличный кусок хлеба, который они, поделив на четверых, и не заметили, как проглотили...

А в рассказе «Красное, желтое, зеленое...» Е.И. Носов пишет:

«В соседнем с нами магазинчике было гулко и пусто. Продавщица тетя Шура в тихие часы делала бумажные цветы и расставляла их по пустым полкам... В ожидании хлеба жители ближайших улиц собирались возле запертых дверей еще с вечера... Хлеб привозили рассветной ранью. В гулкой пустоте сквозной улицы сперва слышалось отдаленное цоканье копыт по булыжной мостовой, и только потом проступал и сам фургон... С получением карточек хлеб стало добывать полечче...»

А продавать хлеб в заводском ларьке поручили Полине Алексеевне, матери будущего писателя. И вот он, тогда пятилетний, бежит к ней за хлебом:

«...Босым ногам было прохладно шлепать по лобастым уличным булыжникам... Еще издали начинало тянуть угольным дымком, железной окалиной, разогретым машинным маслом. Так пах наш завод... Я до упоения любил эти запахи... Перед магазином я все-таки не удержался и сбежал посмотреть в окна заводских цехов». А потом, уже в магазине, мальчик получил жесткий урок от матери, которая не позволила ему взять «махотулишный» кусочек хлеба, отломившийся от буханки, и хотя ему было обидно и горько, но ребенок навсегда запомнил, что чужое брать нельзя.

Эти строчки помогают нам лучше представить, каким был довоенный Курск раньше, как нелегко жилось в нем простым людям и какие события происходили в нем тогда.

Так, в рассказе «НЛО нашего детства» («Сон о незатворенной вьюшке) автор как будто действительно пересказывает удивительный мальчишеский сон — прилет в Курск дирижабля в начале тридцатых годов. Подробно, увлекательно, с тонким юмором описывает Е.И. Носов увиденное когда-то им самим небывалое зрелище, ставшее для курян настоящим праздником.

«Высоко-высоко, над соборной стороной города, в воздухе висело неизвестно что такое, какая-то невиданная штуковина. Больше всего она походила на переросший огурец, какие бабушка Варя оставляла на семена. Даже отсюда, с пятого двора, было видно, что огурец этот неохватного размера и не бурого, а дымчато-серебристого цвета... «Воздухоплавательный прибор» минул купол Знаменского собора и медленно, в размеренном безразличии поплыл над Стрелецкой слободой...»

Рассказ «Сон о незатворенной вышке» имеет подзаголовок: «Из воспоминаний о курской старине»: «С угасанием дня, особенно в глухое осеннее ненастье, — пишет автор, — городские окраины, речные подгорья и понизовья погружались в кромешную тьму. Все эти затускарные и куровые, прогонные и луговые, полевые и песковские... А еще — тогдашняя Казацкая непроглядная сторона за девятью логами! Да запредельная Ямская Мурыновка! Да вспомнить цыгано-бугорскую картежную вольницу. Да Стрелецкую глухомань за Кривцовской протокой... Или же очаковские переулки со всеми их неизбежными хлябями, хлипкими мостушками, кладями в одну-две доски над черной застойной погibelью, поросшей ядовитым гемом и стрелолостом. Лишь отсветы тусклых керосиновых огней да робкое голубоватое сияние лампы в окне темной горницы служило кое-каким указателем в лабиринте тесовых сараюшек, заборов и хибар.

И только в самом центре города, где-то на Херсонской, а больше на Московской, непривычно светло и медово полнились электричеством окна высоких этажей. И тогда окраинным мальчишкам грезилось, будто в этих домах каждый вечер устраивали праздники и все тамошние обитатели весело плясали и лизали мороженое в клетчатых хрустящих вафлях...»

Теплые, добрые строчки о родном городе, хотя Курск и предстает в них во всех сложностях провинциальной жизни. Здесь в каждом слове правда и трезвая оценка всего происходившего.

Писатель всю жизнь прожил в родном городе. Здесь учился в школе № 9, отсюда в 1943-м ушел на фронт, сюда же вернулся после тяжелейшего ранения под Кенигсбергом и полугодового лечения в госпитале. На несколько лет уезжал в Казахстан, работал там в газете «Семиреченская правда», а потом — снова Курск, газета «Молодая гвардия» и писательская работа вплоть до кончины в 2002 году, последний рассказ — «Фагот» — он написал буквально за месяц до ухода от нас...

Он очень любил свой город и, уезжая даже ненадолго, скучал по нему.

«...Дорога за горизонт — это прекрасно! Она и манит, и обещает, и волнуется... Как-то иначе бьется сердце, острее становятся глаза, — так пишет Е.И. Носов в своем очерке «Дорога к дому», посвященном 950-летию Курска, которое отмечалось в 1982 году. — Мне довелось повидать многое... Неудержимо хочется рассказать... о дивных городах и замечательных людях, встречавшихся на моем пути... И вот всякий раз — наездишься, насмотришься, удивишься, и вдруг неудержимо, ностальгически... захочется к себе домой, в Курск... Нетерпеливо куришь и топчешься на четвертой платформе в ожидании лучшего из всех поездов, потому что на его занавесках видишь силуэт курского соловья, нашего птичьего полпреда в столице. И вот уже за окном поезда промелькнуло безлюдное предрасветно-сонное село под кучами обмякших ракиг..., громыхнул железный мосток через полоснувший отсветом зари извив речушки с неказистым ивнячком на излучине...: да это же Тускарь! И не знаешь сам, как и когда запоется:

На дальней станции сойду,
Трава по пояс...

...Начинает бугриться тускарное заречье, далеко, аскетично в перламутровой пустоте неба одиноко выбелилась Акиманная церковь... И вагон ожил, застучал лавками, закладал дверьми: Курск!..»

И дальше писатель размышляет в этом очерке о почти тысячелетней истории родного города, вспоминает «Слово о полку Игореве», повествование в летописи о татарском нашествии:

«Проходили века, менялся облик города... Я вспоминаю довоенное Засеймье 30-х годов. То были просто деревеньки с плетнями — Ламоново, Рышково, Цве-

того, Гуторово... От города их отделяла речная уремная чащоба, через Сейм был переброшен хилый деревянный мосток...»

В 1984 году был написан другой очерк, с заглавием из уже процитированного отрывка — «На дальней станции сойду...», — где Е.И. Носов с глубокой болью любящего свою землю человека, понимающего все ее нужды, нутром чувствующего, как нужно было бы обихаживать ее, пишет о судьбах русской, а значит, и курской деревни.

«Место это не имеет названия, поскольку не является ни станцией, ни даже разъездом. Именуется оно всего лишь блок-постом, носящим порядковый номер, исчисляемый количеством километров от Москвы. Еще недавно... здесь было глухо, безлюдно: рабочий поезд... подбирал лишь нескольких случайных пассажиров... Ныне народу собирается здесь прероядочно, человек за сто... и повезет его прыткая, похожая на большую зеленую веретеницу электричка в город. Кое-как, в погоне за лучшей долей, устраиваются они там, а богатейшая черноземами наша курская земля остается без хозяина, без его заботы... Какое диво! Какая земля! И какой ценой за нее заплачено... Бились за каждый метр, за каждую рытвинку. Сколько братских могил на этих холмах... А нынешние — уходят, оставляют ее, даже не оглянувшись...»

И дальше в очерке слова о красоте родных мест, подобные тем, каких много было в прекрасных поэтичных ранних рассказах писателя:

«Несмотря на ветряной шум раки, на разбойное щелканье соловья, всем существом чувствуешь, какая тут непривычная убаюкивающая тишина. Какой благодатный, прямо-таки райский уголок!»

Но — снова боль и беспокойство: «...из-под старых деревьев, широко разметавших кроны, сквозь заросли вишенника и какой-то разросшейся дичины глядела изба пустыми глазницами оконных проемов... Во дворе у порога плодоносят еще не успевшие одичать яблони, на меже сочно рдеет малина, и даже весело, празднично вымахал на огороде ничего не подозревающий подсолнух. Но двери в избах уже кем-то сняты, и оттуда, из сумеречной пустоты, тянет неприятным и скорбью... Неужто ушли, ни на что не оглянувшись? Да, ушли...»

Безысходностью веет от этих строк, кажется, исчезает надежда...

А вот как пишет Е.И. Носов о следах минувшей войны в очерке 1985 года «С сединами на висках»: «Сколько их, этих рубцов войны, еще виднеется на курской земле! Особенно при вечерней заре, когда низкое, косое солнце удлиняет тени от сглаженных временем окопных брустверов. И вид их всегда холодит, оторапливает душу. Но все-таки не так поразил меня след траншеи, как тополь, вознесшийся над окопом. Ведь он пророс и выбросил свой побег никак не раньше, чем из траншеи ушли солдаты...» Теперь же он стал огромным — «двумя руками не объять...»

...Выросли на наших курских холмах и новые могучие деревья, и многочисленныеobelisks в честь павших за них русских воинов, выросли новые дома и новые люди...»

Хочется, чтобы и мы с вами берегли память о нашей истории, чтобы знали ее и любили свой край, свой былинный, но вечно молодой город Курск с таким же сыновним поклонением и почтением.

«Нам, курянам, досталась по наследию Курская земля... Бунин назвал эту местность сдержанным, но все-таки удивительным словом: подстепье... Закрываю глаза, и трепетно обмирает сердце — вот она, родимая! Взгорья и ложбины, и опять холмы. Вверх — вниз, вниз — вверх... Будто дышит, словно это ее глубокие, натруженные вздохи... Тут мы и живем, между этими вздохами. Здесь, в заветрии, промеж холмов, приютились наши тихие ракитовые деревушки с мычащими телами на приколе...» («Курская земля»).

Любимым временем года для писателя была осень.

«Я рад предстоящей встрече с осенним лесом. Иду, как в картинную галерею, еще раз взглянуть на знакомые полотна, что ежегодно выставляет напоказ золотая осень... У самого края леса в зарослях болотного вереска блеснуло озерко с темной водой цвета крепко заваренного чая. На его поверхности цветная мозаика из листьев, занесенных ветром. Это Поленов. А на косогоре узнаю Левитана. Тонконогие осинки застенчиво толпятся у опушки, о чем-то перешептываются сразу всеми своими листьями, поворачиваясь к солнцу то золотом, то серебром изнанки. И путается в этом живом, колеблющемся кружеве и тоже трепещет ясная синева осеннего неба.

Лесная дорожка то желтеет лимонными листьями берез, то розовеет осыпью бересклета, то окрашивается в оранжевое и багровое, когда пробирается под осинами...» («Лесной хозяин»).

«После... дождей вдруг выметывала в пояс луговая овсяница, укрывала собой клевера, белые кашки, желтые подмаренники, выколашивалась над пестротравьем, и луга одевались нежной фиолетовой дымкой...» («Шумит луговая овсяница»).

«Передо мной сияло безукоризненно чистое зеркало пруда. По нему, не оставляя следа, скользило отражение одинокого облака. Только в заливчике поверхность воды то и дело покрывалась кругами. Они расходились, постепенно затухая, а рядом возникали новые...» («Палтарасыч»).

Самые разнообразные картины природы, чудесные ее пейзажи рисовал и словами, и красками, кистью прекрасный русский писатель, великолепный Мастер слова — Евгений Иванович Носов. Он создавал в своих произведениях роскошные полотна жизни Курского края, родного города. И город помнит своего Мастера — на доме, где он жил, установлена мемориальная доска, на его улице и на могиле писателя замечательные памятники.

